А. Ф. Рогалев

ЭТНИЧЕСКИЕ *и* ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

как источник для изучения ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

Гомель
Барс
2014

Содержание

Введение ...5

Глава 1. Исторический фон этнотопонимических исследований.

Древний славянский ареал.

«Северные иллирийцы» – русы.

Поляно-русская и варяго-русская традиции.

Великая и Белая Русь.

Русские следы в Понеманье и Придвинье.

Двина.

Заселение славянами территории Беларуси **...12**

Глава 2. Киммерийский мир и Беларусь.

Языковые следы киммеров.

Предания о великанах.

Этноязыковые группы на пространствах Скифии.

Халибы. Сколоты.

Гелоны. Будины. Невры.

Литва (лотва, ятва).

Иранский, кельтский, иллиро-фракийский, балтский субстраты в этнонимии и топонимии **...37**

Глава 3. Проблема антов и её проекция на территорию Беларуси.
Отголоски древнего культа богини Девы.
Славяно-угорско-арийские связи.
Древние угро-финны и финно-угры (чудь)
в белорусских пределах **...69**

Глава 4. Славяно-балтское взаимодействие.
Гуды. Судины (судавы). Ятвяги (ятвезь).
Полесяне (подлясяне). Подляшье (Подлясье).
Дайнова. Пруссы.
Латгалы (латыголь).
Этнонимы поморских славян в топонимии Беларуси.
Следы новгородских словен **...89**

Глава 5. Два прообраза белорусов.
Месторазвитие белорусского этноса.
Возникновение белорусского языка.
Минск или *Менск*?
Две Литвы.
Литвины и русины.
Жемайты (жмудь, жомойдзь).
«Великое княжество разных народов» **...105**

Заключение ...122

Введение

Значение этнических и географических названий в современных исторических, этнологических и этнолингвистических исследованиях чрезвычайно велико. Именно эти языковые факты нередко помогают восстановить недостающие звенья в истории народов и поэтому справедливо считаются специфическими историческими памятниками, имеющими значение первоисточников.

Этнические наименования (этнонимы) и географические названия (топонимы) могут пролить свет на историю этнических отношений в далёком прошлом, на процессы миграции этнодиалектных групп.

Поскольку системы названий объединяют разновременный и разноязычный материал, в их составе сохраняются факты, утраченные в других областях языка и культуры, и выявляются именования, мотивируемые на основе самых разных современных и древних языков.

В результате длительного взаимодействия представителей различных этносов и носителей разных языков в так называемых контактных зонах складываются своеобразные культурные круги, соответствующие суперэтническим ареалам. Этнические имена и географические названия, отмечаемые в этих «кругах», сопоставимы друг с другом, имеют очень часто сходную мотивировку и общие корневые основы. Вот почему этнонимы и топонимы часто говорят там, где молчат все другие источники, а информация, извлекаемая из языковых данных, в отдельных случаях оказывается предпочтительнее собственно исторической или археологической информации.

Пользуясь лишь безгласным археологическим материалом, трудно судить о том, как назывались соответствующие племена, заселявшие территорию распространения той или иной археологической культуры, на каких языках говорили представители отдельных этноязыковых группировок, их соседи и предшественники.

Более или менее однозначные ответы можно дать лишь в некоторых конкретных случаях и чаще всего при сопоставлении с письменными источниками. Но если имеющиеся письменные источники относятся к позднему времени и не позволяют составить представление о начальных этапах заселения, остаётся строить предположения и догадки.

Некоторые археологи (В. В. Седов, Г. В. Штыхов, Э. М. Зайковский и другие) считают, что вся этническая белорусская территория до середины I тысячелетия новой эры была заселена балтскими племенами, широкое же распространение славян началось только в V–VI веках.

По мнению, например, В. В. Седова, с VI по IX века существовал устойчивый славяно-балтский симбиоз, и только с IX века началась активная ассимиляция балтского населения, что и обусловило особенности белорусского этноса.

Прямо противоположную позицию занимает белорусский археолог Л. Д. Поболь, считающий, что большинство археологических культур древней Беларуси железного века принадлежало славянам. Что можно сказать по этому поводу? Безусловно, лишь одно: за той или иной археологической культурой могут скрываться единства разного рода. Материальная культура перенимается соседями легко, так как зависит от ландшафтных условий и уровня техники, и все группировки внутри соответствующего региона обладают сходной структурой культуры[1].

Археолог всегда анализирует конкретно-вещественный материал, имеющий вполне определённую пространственную и временную привязку. Представлять фрагментарные выборки-находки конкретно-вещественного материала, культурные «срезы» разных эпох в последовательно-системной целостности и тем более интерпретировать их в этнокультурном отношении можно по-разному, что мы и видим, в частности, на примере спора об этнической принадлежности такой важной для этнической истории Беларуси археологической культуры, как зарубинецкая[2]. Эту культуру объявляют балтской и славянской, ищут в ней элементы культуры кельтов и дако-фракийцев, что красноречиво, на наш взгляд, подтверждает сформулированный выше тезис о полиэтничности археологической культуры как таковой.

В отличие от археологических находок, целиком обращённых в прошлое и существующих во фрагментарно-реликтовом виде, любой синхронный топонимический срез представляет собой целостную систему, которая связана лингвистически и культурно-исторически с другими классами именований, в частности, антропонимами и этнонимами.

Всегда есть возможность рассмотреть то или иное географическое название с другими лингвистическими фактами, представленными на той же территории, а также с однотипными названиями, выявленными в других ареалах.

---

[1] Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. – М., 1989. – С. 33– 36.

[2] Зарубинецкая археологическая культура распространялась на рубеже старой и новой эр в Среднем и Верхнем Поднепровье, Полесье, а также в ареале от верхнего течения Припяти и Западного Буга до верхнего и среднего течения Южного Буга и Днестра.

Связи между именами и названиями могут быть лексическими, семантическими, структурными. Они могут выражаться в том, что на данной территории, у данного народа целиком повторяются имена, зафиксированные в то же время или в прошлом на других территориях, у других народов.

Любая синхронность в сфере имён собственных оказывается исторической, и любой синхронный срез, наряду с именованиями, данными недавно, содержит также именования, возникшие в глубокой древности[1].

У топонимиста оказывается намного больше простора для наблюдений, сопоставлений и «путешествий» во времени и пространстве, чем у археолога. Поэтому ономастические выводы относительно этнической истории того или иного региона могут быть намного «просторнее» выводов историков и археологов, что отнюдь не равнозначно отсутствию строгости и осторожности.

В словарном составе языка, а топонимы, антропонимы, этнонимы и прочие онимы – это немалая часть словарного состава, «реликты» сохраняются в большем количестве и дают существенную информацию, поскольку они, в отличие от археологических реликтов, продолжают функционировать как элементы системы.

Всё это свидетельствует об особой актуальности топонимических и прочих ономастических исследований в историческом аспекте, так как они всегда представляют альтернативный взгляд на соответствующие исторические проблемы.

Сказанное не означает, что мы приуменьшаем возможности археологии в исторических и этнологических исследованиях, чтобы тем самым преувеличить значение языковых данных.

Языковой, в частности, топонимический и этнонимический, материал, говоря образно, «озвучивает» историю, но это «озвучивание» будет наиболее результативным при условии использования материалов археологических наблюдений, дающих, во-первых, достаточно определённую датировку, во-вторых, очерчивающих ареалы определённых культурных целостностей и, в-третьих, указывающих зоны взаимодействия, взаимовлияния различных культур или их структурных разновидностей, направления проникновения элементов одной культуры в пределы иной социально-культурной целостности. Последнее обстоятельство особенно важно для уяснения места и характера этноязыковых контактов носителей разных культур.

---

[1] Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов; отв. ред. А. П. Непокупный. – М., 1986. – С. 231–234.

В данной книге мы предлагаем экскурс в далёкое прошлое Беларуси на основе анализа этнонимов и этнотопонимов[1], выявленных нами на территории республики. Информативность таких имён в белорусском регионе особенно велика, поскольку территория республики на протяжении многих веков находилась на пересечении путей, связывавших различные диалектные континуумы, этноязыковые зоны, что обусловило этническую пестроту и самого белорусского региона.

Распространение этнического названия на определённую территорию, занимаемую представителями того или иного этноса, осуществлялось уже в самой глубокой древности. Этнонимы в качестве территориальных обозначений очень часто использовались на старых картах, в летописях и произведениях художественной литературы минувших веков.

Как считает Г. Ф. Ковалёв, именно этнонимы являлись в древности той основой, на которой формировалась топонимическая лексика[2]. По мнению Е. М. Поспелова, такую специфику номинации можно объяснить недостаточной развитостью собственно топонимической номенклатуры на ранних этапах географического познания Земли[3].

Тесная связь топонимов и этнонимов, когда в образовании названий мест используется не только обозначение народов, крупных племён, но и родов и родовых подразделений, характерна как для древних, так и для ряда современных топонимических систем, например, тюркской[4], лакской[5], финно-угорской (для отдельных языков)[6].

Этнотопонимы образуют специфическую группу географических названий ввиду очень сильной обусловленности внеязыковыми факторами, что предполагает их изучение на стыке исторического языкознания с историей, географией и этнологией.

---

[1] Термин *этнотопоним* понимается нами в двух значениях: 1) географическое название, образованное от этнонима; 2) географическое название, возникшее в результате контактов разных этноязыковых групп на соответствующей территории.

[2] Ковалёв Г. Ф. История русских этнических названий. – Воронеж, 1982. – С. 16.

[3] Поспелов Е. М. Относительная достоверность названий на старинных картах // Развитие методов топонимических исследований. – М., 1970. – С. 97.

[4] Губаева С. С. Одна из особенностей тюркской топонимии // Диалекты и топонимия Поволжья. – Выпуск 1. – Чебоксары, 1972. – С. 100–102.

[5] Хайдаков С. М. Место топонимических названий в лексике лакского языка, их структура и познавательная ценность // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Выпуск VI. – М., 1960. – С. 467–470.

[6] Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимии. Сборник статей. – Ижевск, 1980. – 160 с.

Этнотопонимы обычно возникают на стыках и границах этноязыковых групп, в зонах их активного взаимодействия[1]. В силу этого изучение этнотопонимов представляется достаточно актуальным.

Специальное изучение этнотопонимов тем более необходимо тогда, когда они выявляются на территориях, где в течение длительного времени происходили сложные и разнообразные этногенетические процессы, в которых участвовали многие родственные и неродственные народы. Белорусский регион в этой связи, как мы сказали выше, представляет большой интерес.

Анализ региональных этнотопонимических фактов даёт материал для изучения различных типов географических названий в масштабах культурно-исторических «кругов» (суперэтнических зон) старого и нового времени и для последующего установления топонимических ареалов.

Актуальность нашего исследования обусловлена также тем, что оно предусматривает расширение и углубление таких аспектов этнонимики и топонимики, как культурно-исторический, этимологический, семантический и ареальный, предлагает применение отдельных способов и приёмов изучения фактического материала, которые позволяют подойти к рассмотрению этнонима или топонима всесторонне, с учётом того обстоятельства, что их содержание оказывается сложным комплексом, в котором помимо собственно языковой информации заключена также энциклопедическая информация, сведения о слове и сведения об именуемом объекте[2].

Системный историко-лингвистический анализ соответствующих имён с учётом информации из смежных научных дисциплин (археологии, истории, исторической географии) позволяет максимально расширить хронологические рамки для наблюдения и в конечном итоге повысить значимость общего результата и формулируемых выводов.

В поле нашего обозрения находится исторический период примерно с середины II тысячелетия до новой эры и до XIV века, то есть

---

[1] См.: Гринблат М. Я. Этнонимическая топонимия и антропонимия Белоруссии (к этнической истории белорусов) // Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений. – Л., 1965. – С. 80–82; Охманьский Е. Иноземные поселения в Литве XIII–XIV веков в свете этнонимических местных названий // Балто-славянские исследования. – М., 1981. – С. 112–131; Поспелов Е. М. Топонимика и историческая география // Топонимика и историческая география. – М., 1976. – С. 4–7.

[2] См. об этом в кн.: Теория и методика ономастических исследований. – С. 104 и след.

временной отрезок, который называется предысторией и древней историей Беларуси. Мы анализируем не просто названия как таковые, но и тот культурно-исторический фон, на котором функционировали соответствующие этнонимы и возникали этнонимические географические названия.

Это позволяет получить информацию об этнических и языковых контактах в пределах нынешней территории Беларуси, выявить этноязыковых предков белорусов и назвать те группы небелорусского населения, которые включались в состав формировавшейся белорусской народности.

Предлагаемое исследование по своей сути является своеобразным очерком этноязыковой истории, составленным на основе этнонимического и топонимического материала и имеющим целью доказательство эффективности привлечения онимических фактов, фиксируемых в том или ином регионе, для реконструкции его этноязыковой истории.

Привлекаемые нами для анализа факты дают возможность уточнить количественный состав и ареалы тех или иных этноязыковых групп. То есть, осуществляя лингвистический анализ собранного материала, мы одновременно заполняем лакуны, имеющиеся в современных представлениях об этнической истории Беларуси.

Соотнесение этнотопонимов с определёнными группами населения предполагает лексико-семантический анализ названий, структурно-словообразовательную характеристику, хронологическую привязку.

Современная наука исключает изолированное рассмотрение отдельных наименований и выдвигает в качестве предварительного условия для их изучения учёт разнообразных факторов, так или иначе влияющих на формирование именных систем, учёт лингвистических и экстралингвистических связей отдельных типов имён, соотношений этих типов друг с другом и с нарицательной лексикой[1].

Мы не можем достичь поставленной цели, привлекая для рассмотрения только один языковой материал и ставя в качестве одной из задач этимологию названий.

---

[1] Теория и методика ономастических исследований. – С. 14.

Этимология сама по себе оказывается для имён собственных неактуальной. Её место заступает мотивировка и путь развития имён, их анализ в контексте исторических реалий.

Историко-культурный фон подаётся нами не в виде статичных срезов, а в динамике, что и позволяет называть данную работу очерком этнической истории Беларуси с древнейших времён до образования Великого княжества Литовского по этнотопонимическим данным.

Мы уточняем число этноязыковых предков белорусов, предлагаем понимание этногенеза как процесса, который начинается задолго до фактического появления народа на исторической арене и не завершается этим появлением.

Впервые называются этноязыковые группы с указанием их локализации в пределах современной белорусской территории, которые, по нашему мнению, должны быть отнесены, наряду с уже известными, к числу этноязыковых субстратов – племенных групп, растворившихся в последующем населении.

В целом, данная книга рельефно представляет этнонимический и топонимический материал в качестве важного источника для реконструкции и изучения этноязыковой истории одного из регионов Восточной Славии в связи с аналогичной историей иных её частей.